

Эстер Кей
Я, Хаим Виталь

Роман

Эстер Кей

Я, Хаим Виталь. Роман

«Издательские решения»

Кей Э.

Я, Хаим Виталь. Роман / Э. Кей — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938416-4

О чем вели речь Аризаль и его ученик, как складывались их взаимоотношения, что произошло после их разлуки и в какой форме их усилия ознаменовались победой. Эстер Кей создала роман на основе записей в дневниках р. Хаима Виталья.

ISBN 978-5-44-938416-4

© Кей Э.
© Издательские решения

Содержание

Райский удел раби Хаима Виталья	6
От автора	8
Центр Каира 16 века...	10
Цфат, 1570—1572 гг.	13
Глава 1 Господин Лурия	13
Глава 2 Ключи от миквы	16
Глава 3 Цель жизни	20
Глава 4 Десять лет назад	23
Глава 5 Изгнанники	24
Глава 6 Исполнение пророчества	27
Глава 7 Прощание с Дамаском	30
Глава 8 Радбаз против Ари	31
Глава 9 Прибытие	32
Встреча	35
Глава 10 Раскаяние	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Я, Хаим Виталь

Роман

Эстер Кей

© Эстер Кей, 2021

ISBN 978-5-4493-8416-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Райский удел раби Хаима Виталя

Илл. 1 – Синагога, 16 век.

Илл. 2 – В 25 лет, когда раби Хаим Виталь занимался вместо Торы алхимией, он вполне мог выглядеть так. (Дневник: «Смотрел по линиям моей ладони некий сведущий в хиромантии человек, и так сказал мне: „Знай, что по достижении 24 лет придут многие мысли и сомнения, и отдались ты против воли своей от изучения Торы на два с половиной года, а после того два пути откроются пред тобой: один наверх, другой – вниз. И будет дан тебе выбор. Если выберешь адский путь – то не найдется во всем поколении человека страшнее тебя. Если выберешь путь поднятия в рай – то превзойдешь в мудрости и боязни греха всех людей своего поколения, невообразимого достигнешь.“ И прав оказался тот гадатель.»)

Из спектакля «Путь Хаима»

Райский удел р. Хаима Виталья

От автора

«Есть что-то, чего ты очень хочешь? Тебе очень хочется, чтобы что-то произошло? Сосредоточься на этом полностью, изо всех сил. Представь себе это в мельчайших деталях. Если твое желание достаточно сильно, А сосредоточенность достаточно полна – то сможешь добиться, чтобы это на самом деле осуществилось.» (раби Нахман из Брацлава, Сихот hАран, 62)

За тридцать лет довелось мне перевести и обработать множество первоисточников о жизни Аризаля и р. Хаима Виталя, знаменитых цфатских каббалистов, и рамки исследовательской работы становились все теснее и жестче и невыносимее для меня как литератора. Требовалось везде указывать точные ссылки, доказывать истинность фактов, сравнивать разные версии первоисточников.

Между тем в моем восприятии эти два человека уже перешли грань аналитики персонажей, они стали просто частью моей повседневной жизни.

И вот наступила та точка невозврата, за которой уже все станет иначе и для моего читателя. Мне не достаточно документировать их историю! Они просто оживут, они будут жить.

Я хочу, чтобы эти два человека стали частью и вашей реальной жизни, а этого дотошное исследование не дает, это – лишь возможно как эффект искусства.

Позвольте же мне изумиться тому, как замысел опередил логику, как чудо вторглось в область точной историографии, и люди из 16 века ожили на моих и ваших глазах... Все началось со сценария. И зашло очень далеко...

Могила р. Хаима Виталя в Дамаске

Да, это случилось, и уложить наших героев обратно в их могилы, в их документы, папки, втиснуть их в архивные рамки – не получится. Да будет так! Надеюсь, что мне разрешено по законам жанра воспользоваться моими сценарными заготовками, чтобы ввести вас в курс дела.

Центр Каира 16 века...

Каирская синагога, общественная молитва. **Ари** и испанский еврей – **Неизвестный Маран** (среднего возраста). (Справка: Маранами, или свиньями, называли насильно крещеных евреев в эпоху инквизиции. У них не было еврейских имен, и они не умели молиться, были безграмотны.)

Ари спросил шепотом, выбрав момент, когда можно было разговаривать посреди молитвы:

– Что держишь ты в руках, позволь спросить тебя? Это книга или... настоящий старинный свиток?

Маран смущенно пробормотал: Это? Это... просто мой молитвенник.

– Можно посмотреть, какое это издание? Разве это молитвенник?

– Пожалуйста.

Ари (берет в руки манускрипт, лицо его меняется. Восторженно шепчет): Да это же Зогар!

Ари (обращаясь к Марану.): Это очень важная книга, я хотел бы ее приобрести.

– Нет, это важная для нашей семьи вещь, я не могу ее продать.

Ари настаивал: Нет ничего, что я мог бы сделать для твоей семьи, что было бы равноценно важности этой книги?

Маран сообразил, кто перед ним стоит, и сформулировал уже по-другому свой ответ:

– Я хотел бы получить разрешение на беспошлинный провоз товаров, вы ведь на таможене не последний человек.

Ари: Считаю, что ты его получил. А я буду рад научить тебя молиться. Согласен?

Свиток перешел в руки Ари.

Ари погружается в изучение фрагмента.

Ари (шепотом). «Сказал раби Шимон бар Йохай...»

Перенесемся в его дом. Роскошный особняк в Каире.

Ари, его жена Эстрелла, гуляют по балкону с видом на реку, оба в богатых одеждах. Эстрелла беременна.

Ари: Я хотел сказать тебе, что у меня теперь будет другой распорядок недели. Я не буду дома кроме как на субботу.

Эстрелла: Почему?

Ари: Мне нужно уединение. Хочу поработать над чем-то важным.

Эстрелла: А где же будешь жить?

Ари: Я попрошу твоего отца построить мне хижину на берегу Нила. Там моим занятиям никто не помешает.

Эстрелла: Так ты спрашиваешь меня или уже сам все решил?

Ари: За меня решили, я получил определенную роль в одной большой миссии, я не могу подвести.

Эстрелла вздохнула: Смотри, милый, как знаешь. Суббота ведь – наше лучшее время с тобой.

Жена Ари переводит взгляд на реку. Она сверкает, из нее выходят две сверкающие субботние свечи.

Закадровый голос:

Незадолго до того был открыт новый континент, и перед изгнанными из Испании евреями открылась новая дверь. В то же время явилась миру книга «Зогар», написанная полторы тысячи лет до этого.

Крупный план: свиток Зогаара.

Тот же особняк, внутри. Ари и его тесть Мордехай Франсис в богатых одеждах вельмож, сидят за столом в кабинете.

Ари (предъявляя папку): Вот все, касается банкирского дома Медичи, вот счета последних экспедиций на острова пряностей. Примите документацию. Если вам понадобится кто-то вместо меня на ту же должность, я рекомендую вам толкового человека – господина Веспуччи. Америго Веспуччи. Он хорошо знает тему и долго работал у Медичи, но позднее разочаровался в них.

Мордехай Франсис: Почему мы вдруг снова на Вы? Тебе неудобно, неприятно?

Ари: Я прошу простить меня, я не смогу больше быть полезен тебе, раби Мордехай. Я удаляюсь от дел, если ты позволишь мне. И если не позволишь – не моя на то воля. Построй мне хижину возле Нила, я должен буду пребывать там во все будние дни, на шабат же я обещаю возвращаться к семье. Спасибо тебе, ты был добр к нам всегда.

Разочарованное лицо р. Мордехая Франсиса. Опускает голову, рука комкает бумагу, на которой написано: «Контракт на продажу перца». Видна подпись: Ицхак Лурия Ашкенази.

Сцена На берегу реки

Ари (в белом талите) и **пророк Элиягу** (одетый в бедуинском стиле старец)

Общий план – хижина, закадровый голос:

Диктор: И была построена ему хижина, как он просил, и изучал там Ари Зогар по свитку, попавшему к нему от одного из испанских изгнанников.

Диктор: Прошло семь лет. Ари научился читать мысли людей и понимать разговоры всякого живого существа на земле, шепот листвы, язык чертей, язык свечного пламени, получил ключи к законам Мироздания, описанным в каббале.

Пророк Элиягу: Раби Ицхак! Ты преуспел в учебе. Теперь настало время передать твои знания другим. Но нет в этом поколении ни одного достойного их воспринять. Кроме одного-единственного, и имя его – раби Хаим Виталь из Цфата. Ступай же, поднимись в Страну Израиля, ибо время пришло и нельзя медлить. Жить в этом мире тебе остается недолго. Тебя ждет город Цфат.

Пророк поднимается в воздухе и растворяется в очертаниях огненной колесницы. Ари выходит, хижину испепеляет упавший с неба огонь.

Сцена Прощания с Каиром

Комната в каирском особняке. **Ари и его жена Эстрелла**, затем **Слуга**.

Ари: Помнишь нашу первую встречу?

Эстрелла: Да. Я ведь первая вас заметила. Наши собаки как начали на вас лаять! А я стояла у фонтана и открыла вам ворота сама.

Ари: Когда отец умер, нам стало тяжело в Иерусалиме.

Эстрелла: А до этого – правда, жуткая была история с кровавым наветом? Ты детям рассказывал, а мне – нет. Расскажи! Я хочу услышать от тебя.

Ари: Мы же так и не отдохнем перед дорогой. Именно сейчас?

Эстрелла: Просто я все равно заснуть не могу...

Ари: Ладно. У турецкого паши был маленький сын, и визирь тайно убил его во время прогулки, а вину свалил на иерусалимских евреев. Это случилось в субботу утром. Был зачитан указ об изгнании евреев из Иерусалима. Все рыдали и рвали на себе одежды. Наш главный раввин, Клонимус, был вынужден в шабат сесть и написать камео. Там были буквы слова «Эмет» – Правда. Он положил камео на лоб царевичу. Сначала засветились две буквы – МеТ.

Эстрелла (всплескивая руками): Мет – это мертвец!

Ари: ...Царевич, который был мертв, внезапно зашевелился, привстал, и на лбу у него начали светиться сразу три буквы, – буквы слова «Правда». Мертвый мальчик посмотрел впереди себя невидящими глазами. Он указал пальцем на визиря паша.

Все вскрикнули от ужаса...

Паша переменялся в лице.

Евреям было разрешено разойтись по домам, а визиря паша повесил в тот же день.

Эстрелла вздохнула:

– Представляю, сколько ужаса вы пережили...

Входит слуга.

Слуга: Прикажете грузить на телеги все вещи?

– Ари: Да. (Эстрелле) Вставая с кушетки: Ну вот, я тебе рассказал, как мы в Иерусалиме жили. А теперь закончилась наша каирская жизнь. Впереди – Цфат.

Эстрелла: Как зовут того человека, ради которого тебе было приказано переезжать в Галилею?

Ари: раби Хаим Виталь.

Эстрелла (задумчиво): раби Хаим Виталь...

– Cut! – скомандовал оператор.

...Актриса полняла на меня глаза.

– Я все хорошо сделала?

– Больше, чем хорошо, – искренне сказала я. Она действительно произнесла свою последнюю реплику с таким чувством, что можно было понять, насколько ее героине этот самый Хаим Виталь несимпатичен. Насколько она озадачена этим поворотом своей судьбы.

Великий учитель и наставник цфатских каббалистов (АРИ, аббревиатура Б-жественный р. Ицхак) прожил в Цфате всего два года. За это время он приобрел славу святого провидца, чудотворца, хотя совершенно того не искал: его функциональное намерение состояло лишь в том, чтобы передать определенную часть знаний весьма специфического характера, которые были ему сообщены пророком Элиягу в Египте, одному-единственному человеку в том поколении, способному воспринять их удержать в своей голове и своем сердце. Этим человеком был 27-летний раби Хаим Виталь. Между ним и Ари должно было наступить то же взаимопонимание, какое было полторы тысячи лет назад между РАШБИ (автором «Зогара») и его сыном, р. Элазаром.

Поскольку задача, которую ему поручил пророк Элиягу, была узкая, локальная, дискретная – то и поведение Ари не было размахистым и ярким. Он как раз вел себя очень тихо и скромно. Опишем вкратце, как все происходило.

Цфат, 1570—1572 гг.

Глава 1 Господин Лурия

– Пошевеливайся, Чико! – рыбаки вывалили сияющий свой живой прыгучий товар из большого чана с водой обратно в рыболовную сеть, только теперь уже сетка лежала поверх лотка, и ее нужно было завязать хорошенько, подтянув четыре конца, и взвесить для доброго покупателя, который пожелал взять все, подумайте только – все и сразу – недурная предсубботняя сделка, хороший человек, *ахла!*

– Куда вам доставить товар, господин? Вы вроде как новый в нашем городке, а? Из Феррары? А?

– Я не из Феррары, – отвечал чернобородый, с острым взглядом и красивым, но несимпатичным лицом, закрытый, скрытный аристократ. Он был недоволен любопытством и мгновенно его пресек.

Рыбаки принялись пересчитывать деньги.

– А этот талер нехорош. Замените его, пожалуйста, – попытались они придираться и кланчить.

Приезжий неохотно заменил талер на другой.

– Да ведь и этот какой-то странный!

– Странный?

Незнакомец вперил свой взгляд в Чико – шельмоватого малого с красной повязкой на черных волосах..

Чико первый опустил глаза. Он был с Сицилии. Если он опустил глаза перед чужеземцем, это значило, что Чико спасовал. Эль-Греко заметил пантомиму и громко заржал.

– Ты бы ему еще в пояс поклонился, Чико! Что ты так млеешь перед этим ашкенази? – процедил сквозь зубы на ладино.

– Он ашкенази, да. Это правильно ты подметил.

– Я из Египта, – неожиданно разрушил их логические наблюдения пришелец, тоже перейдя на язык ладино.

– Ну что ж, – совсем мирно заключил Эль-Греко, – мы только рады вам, сеньор. Всегда покупайте у нас! Простите Чико, он придурок.

– Доброй субботы, – произнес приезжий таким тоном, что было невозможно истолковать иначе: он их благословляет и исчезает из поля их зрения.

Они еще хотели было поклянуть, как-то на него дожать как на хорошего клиента, ведь деньги-то у него еще были, и можно было взяться донести товар прямо до дому, а затем предложить ему стать их постоянным покупателем, да и зачем ему самому ходить на рынок, если Чико и Эль-Греко запросто все ему принесут раз в неделю домой?.. но отстранение было тотальным, не допускающим ни малейшего панибратства, никаких поползновений к сближению. Он ушел, будто исчез. Молчаливый пожилой слуга понес за ним покупку с изумляющей легкостью.

Облик Ари (р. Ицхак Лурия Ашкенази) в нашей киноверсии, актер Юрий Вайсман

- Ты спугнул его, Чико.
- Я?
- Ты был навязчив.
- Иди ты к черту!
- А как он сказал – доброй субботы! Нет, он не ашкенази. Он вроде как наш.
- А, какая разница – наш, не наш.
- Ну, не скажи, вот раби Иосеф, тот, что из Салоники, – вот он наш, так это же чувствуется. – Эль-Греко сделал щепотью кастаньетный щелчок, показывая, как именно это ощущается.

Между тем утро с его лазурью выцвело и закончилось, суббота неуклонно приближалась, рынок вскоре совершенно опустел, только с мусульманской стороны еще доносился галдеж, потом запел муэдзин, и для всех наступили благословенные часы перед шабатом. Глядя на то, как на улицах еврейского квартала играли славные детишки, пожилой величественный еврей раби Авраам Леви Брухим делал свой обычный предшабатный обход, кошка – вихляя тощим корпусом – путалась у него под ногами, безумея от вкусных кулинарных запахов, плывущих из окошек и дверей домов.

Раби Авраам Леви Брухим шел с поднятыми – нет, воздетыми к Небесам! – руками по старинной улице и провозглашал: «Дом Израилев, вставайте и примите святую субботу! У кого пирог неготовый в печи? У кого недоварена еда? Я призываю вас, завершайте поживее все приготовления.»

Хозяйки, хотя и знают, что он всегда делает этот свой обход, стесняются его, когда он шуточно грозит, что зайдет и проверит.

- Увижу пирог неготовый – себе заберу!
- Уже выкупали детей, переодели?
- Смотрите, шабат скоро, солнце садится!

Взгляды насмешливых и понимающих глаз. Неужто выполнит свою угрозу? И правда, он зашел к кому-то в дом! Кошка ухитрилась забежать перед ним, заскочила поверх кастрюль, что на печи, взвизгнула и как прыгнет с печи прямо на него.

Цфат готов к субботе!

Горы, прекрасные люди в белом. Идут цепочкой, небольшой вдохновенной группой.

Торговка Насрия произносит, глядя на них, как бы сама с собой беседуя:

- Это идут каббалисты во главе с Ари, святым учителем, встречать субботу.

Линия гор и заката. Зигзаги расплываются чудесным радужным наплывом, то ли в глазах стало резать, – нельзя, может, прямо так в упор смотреть на Ари и его учеников?

Р. Авраам а-Леви Брухим уходит, стуча палкой. Он тоже – из числа учеников святого Ари. Для него закат в горах Цфата означает только одно: Мошиах. Мессианское обетование, которое вот-вот исполнится.

- Благословенной субботы, жители святого Цфата!

Глава 2 Ключи от миквы

Женщина быстрым, змеистым шажком, будто ускользя, шла по впавшей в дремоту улочке, которая, как назло, именно в эти минуты решила пробудиться от снесты: раскрывались ворота, выползали из углов сада старики и дети, выкатывали тележки торговцы.

Возле синагоги Абуав она помедлила, давая пройти группе мужчин. Затем подошла к торговке зелению и аккуратно переложила, будто выбирая, несколько пучков. Потом наклонилась к тетушке Насрии и прошептала:

– Извините, когда микву откроют? Я хотела войти, но у них еще заперто.

– Бедняжка! Как неловко вышло! погоди, я пойду и вынесу тебе ключ. Посторожи пока мой прилавок.

Насрия поправила полумесяц – серьгу, готовую свалиться из ушного отверстия, и скрылась в подворотне. Красивая стройная черноглазая незнакомка смущенно перебирала поделенные на пучки стебли зелени. Она понюхала шибу, мирт, розмарин, петрушку, ласково поглядела на перченые маслины в тазу – так же у себя дома, в Каире, она, бывало, замачивала темные оливки, нежно-розовые и разные другие сорта, которые высветлялись, пока соль и приправы выбирали из них горечь.

– Три поворота, – появилась из подворотни торговка с ключами, – и помни доброту Насрии.

– А этот ключ – от чего? – девушка указала на второй ключ в связке, поменьше, чем основной.

– От комнаты невесты, – прошептала Насрия, – но ведь ты не невеста.

– Да, я не невеста, – весело сказала та, – у меня уже четверо детей! (Услышав точное количество детей, которое не было, не дай Б-г, принято говорить, торговка выставила *хамсу* – растопыренную ладонь).

– Я зайду за ключами, – сказала Насрия с достоинством, – оставь их в сенях на гвозде. Окунальщица придет чуть позже, у нее свои ключи, но все равно – не заставляй же тебя ждать на виду у всех.

– А что у вас принято выдавать женщинам? Гребни, полотенца?

– Что ты, ничего мы не выдаем! И не забудь положить два талера в копилку. Как тебя зовут? (Насрия наморщила лоб, будто думая так: «А что, если она не заплатит, а ключи уже у нее? Я ее вообще в первый раз вижу!»)

– Эстрелла.

– Так вот, Эстрелла, дожись трех звезд, как положено, и тогда уже и зайдешь! Я не запущу тебя раньше времени! Отдавай ключи обратно.

...Красавица не спорила, она решила, что все равно ей надо будет пойти сначала домой, попросить свекровь уложить детей пораньше, а самой забрать все свои принадлежности и тогда уже направляться в микву. Заодно и кое-какую посуду взять.

Дом еще был нестроен, везде стояли баулы, тюки, даже игрушек еще было не видеть, и дети хныкали, хотя бабушка учила их плести корзины из тростника, как в Египте, и делать бамбуковые свистульки.

Эстрелла взяла, что ей было нужно, из своего личного баула, покормила малышкой и снова вышла на потемневшие уже улицы незнакомого, тесного, сухого и давящего Цфата, который после роскоши столичного Каира производил впечатление загадочного лабиринта. Зажигались огоньки в каменных домах-крепостях. Гулко отзывались шаги прохожих по мостовой с водостокосом посередине. Турецкие сторожа запирали ворота мусульманского квартала. Склон горы вел к кладбищу Пророка Оссии. Вот и он – переулок возле синагоги Альшейха, где пряталась

миква, между Альшейхом и Белым цадиком... «Хоть бы окунальщица попалась добрая!» – молила Б-га Эстрелла.

Но в Каире у нее был особняк! (В роли жены Ари – актриса Ида Недобора)

Встретила ее пожилая Шабabu, приветила, усадила в комнате ожидания, предложила пока заняться ногтями.

– Я уже все сделала дома, – прошептала Эстрелла, – я всегда так делаю.

Да, но дома, в Каире, у нее была роскошная комната с огромными зеркалами и видом на реку Нил!

Здесь же, в мрачном Цфате, она просто места себе не находила.

– Тогда вот сюда, осторожно, по ступенечкам, – извините, у нас темновато, это правда, – оправдывалась Шабабу перед приезжей сеньорой.

Поскольку она сказала, что все подготовлено для окунания, то Шабабу не придиралась, только провела по ее распущенным волосам растопыренными пальцами, подтверждая, что узлов нет, все расчесано на славу.

– Глаза, брови, ушные раковины – методичным скучным голосом проговаривала Шабабу по выученному наизусть списку, – коленки, подмышки...

– Да, – каждый раз отвечала гостья, ежась в накинутаой на плечи простыне.

– Зубы, ногти, – перечисляла хозяйка священной воды.

– О да, – трепетно отвечала окунающаяся.

– В таком случае давай сюда простыню и окунайся, – подытожила Шабабу, – Как принято у вас окуняться? Сколько раз?

– У нас принято семь, госпожа.

– Столько же и у нас, госпожа. – передразнила ее Шабабу, усмехнувшись щербатым ртом. – погоди! Волосок на спине.

Она сняла волос и задала последний вопрос:

– После какого окунания вы произносите благословение?

– После первого.

– Так же и мы. Ну, ступай! Держись за перила, пожалуйста, не хватало мне, чтоб вы ноги переломали.

Эстрелла вошла в узкий проход, который вел по кривой и неловкой лестнице из сбитых камней прямо вниз, в темную воду. Родниковую и холодную, но чего не сделаешь ради любимого мужа. Впрочем, это была мицва, а мицву делаешь ради самой себя, поскольку иначе не сможешь выполнить свое предназначение.

– *Кашер!* – Провозгласила Шабабу после первого окунания. Эстрелла, захохотав и задохнувшись от мрачно колыхавшейся воды, едва была способна проговорить благословение.

Потом, после гулкого, под сводами каменной миквы, «Амен!», быстро и верно выполнила еще шесть глубоких окунаний, придерживая себя нарочно на глубине, чтобы волосы не всплыли на поверхность, и легко вспрыгнула, отряхиваясь.

– Все! – и запела песенку на ладино, веселясь, что сделала заповедь, *мицву*.

– Ах ты певунья, – улыбнулась Шабабу. – Вот такой гостья, право, у меня еще не бывало! Чтобы в *микве* песни распевать!

Она накинула на плечи Эстрелле ее привезенный с багдадской ярмарки прекрасный кусок махровой ткани, служивший полотенцем, и сопроводила в комнату для одевания.

Та живехонько растерлась ароматным маслом, набросила платье до пят, приделалась понарядному в мантилью, украсила волосы жасмином, что рос перед выходом на улицу, и стремительно пересекла переулок под синагогой Альшейха, чтобы не наткнуться на группы учащихся, мелькнула ужом под аркой, поправила плед и уже более степенно направилась к своему дому.

Муж, возвышенный и строгий *раби*, заранее вышел ей навстречу, так как переулок граничил с мусульманским рынком и был темным и не очень приятным.

– Окунула кастрюльки? – спросил он, улыбнувшись.

– И кастрюльки, и не только, – ответила она весело. Они не все привезли с собой из Каира, купили новую посуду уже здесь, а новую посуду положено окунать в воды миквы.

– И сколько они с тебя взяли?

– Два талера.

– Ладно, – усмехнулся он. – Я тебе собственную микву построю!

Его мать открыла половинку двери изнутри.

– Что вы топчетесь перед домом, почему не заходите?

– Мы разговариваем. Можно?

– Не наговорились еще? Кто будет укладывать старших? Они там спорят, кому где спать. Не привыкли еще, тоскуют по своим хорошим постелям! Новая мода – семеро по лавкам! Как ты им объяснишь, зачем ты их сюда перевез?

– Не ворчи, мамочка, мы уладим и это. Ты же видишь, все потихоньку устраивается.

Он погладил мать по старым темным рукам, обнял за плечи.

И ей тоже хотелось его внимания – престарелой матери.

...Эстрелла изредка поглядывала на занавеску, за которой теплилась свеча в комнате мужа. Укладывала малышей, пела им, рассказывала, пока все дети не утомнились и задремали. Хотя бы спокойно проспали всю ночь! Они даже туалетом таким не привыкли пользоваться, как здесь. Все иначе, чем в их прекрасном каирском особняке. Все такое бедное и тусклое, неудобное и непривычное.

Моше, которому исполнилось шесть лет, ведет себя лучше всех, никогда не перечит. Не строит из себя обиженного принца. Он, хоть и не старше всех по возрасту, а душа у него как у взрослого.

Эстрелла погладила лоб спящего сына с благодарностью.

Свеча за занавеской испустила струйку дыма и погасла. Значит, муж закончил учебу.

Глава 3 Цель жизни

– Десять лет назад мы с тобой поженились, – прошептала Эстрелла. И заснула, стремглав погружаясь в водоворот памяти, не думая ни о чем, только – спать, спать, спать. Но одно почему-то вспомнилось: что на их свадьбе в Каире присутствовали особы королевской крови, много важных лиц. Для папы это имело значение.

Муж, наверно, еще представлял себе всякие Имена Б-га, как это у них положено, у кабалистов. Они без этого не засыпают.

Им, как жонглерам, надо себя все время в форме держать. Буквы, огласовки, ряды букв, фигуры из букв, абстрагирование от реалий, только буквы и виды свечения, виды света. Туда ее муж проваливается, тоже как в бездну сна, только это не сон. Это вроде светящихся воинов, которых военачальник расставляет по местам – целые Войска Света. Ну, вроде того. По-другому как объяснишь. В общем, он не спит, он расставляет по местам Воинов Света. Раздает им оружие – огласовки. И они готовы идти в атаку. И только тогда он может расслабиться и спать. А пока смотр всем войскам не устроит – не заснет. Такой он – раби Ицхак. Как давно он этим занимается? Должно быть, лет семь. Да, семь лет назад это произошло. Из ученого Торы, каких много, он сделался кем-то другим – стал великим в каббале.

Призвание его состоялось – ей неизвестно как. С того момента, как его пророк Элиягу избрал, он только на субботы домой приходил, а в течение недели изучал свой «Зогар» возле Нила, в той беседке, что папа ему выстроил.

Жена раби Хаима Виталья встречается его в субботу. Актриса Екатерина Гефтар.

Папа немножко был расстроен – он прочил его для семейного бизнеса. Ведь раби Ицхак так хорошо, так плотно вошел в их фамильные и деловые связи, так нежно он вел дела, когда папа его об этом просил, так бархатно-умело заключал договора с поставщиками, так строго вел себя на подписании, так придирчиво читал тексты контрактов, будто вглядывался в хитрости и тонкости Талмуда (там, где мелким шрифтом – по бокам основной страницы). Так умел для папы извлекать выгоду из затейливого крючкотворства юридических документов, острым глазом ухватывал, будто птица, очень умная птица, из вороха сена, клювом достает, что ей надо.

Папа бы хотел, чтобы это длилось вечно! Но каирский начальник таможни не был властен над молодым гениальным ученым, не мог таким сокровищем владеть только для себя, для выгоды и упрочения положения своего. Кончилось тем, что его зять поставил на своем – переехал к берегам Нила, а там – поди знай, каковы его занятия. Книга «Зогар» только-только по рукам в списках и в рукописях начала ходить, еще даже издания в Мантуе не имелось, первого издания, которое до мурашек проберет потом 15-летнего раби Хаима Виталья, когда доведется ему получить одну такую копию. «Зогар» пролежал в земле тысячу лет! Так люди рассказывают. Великая книга, семью печатями запечатана, только избранные могут понять, о чем там.

Ее муж эту книгу понимает – так показалось Эстрелле, когда входила в эту святую святых, еду в хижину носила (он еду ту не трогал, но ей носить не запрещал). Вся причина, почему ушел он жить в хижину, в том и заключалась, что открылось ему понимание.

А для бизнеса – сразу закрылось. Папа был немного в растерянности. Лишился советчика, опоры, члена семейного клана Франсисов. Как теперь устоять перед банкирским домом Медичи, того гляди – нагреют. С каким из европейских королей работать. В какую из экспе-

диций к островам благовоний и пряностей вложиться. Это же все серьезные вопросы, а тут зять так поступил с ним.

Но раби Мордехай понимал, что зять-то тоже не безумец какой-то, не променял же он абы на что свое финансовое и политическое влияние, – значит, было на что. Хотя очень сложно уразуметь это развитие темы с хижинкой и уединением от людей. Может, Бецалел Ашкенази разъяснил бы ему ошибочность такого шага, или Кастро, что ли, вмешался бы. Но куда там! Они очарованы раби Ицхаком. Не он от них, а они от него науку черпают. *Kannopo!* – пиши пропало! Бизнес – по боку. Ни перца на миллионные сделки, ни шелку теперь по таким хорошим контрактам, как раньше, не добудешь. Но хоть славно, что для Эстреллы муж хороший как был, так и остался: это главное.

В общем, папа потерю пережил. Не обеднел. А она любила, когда муж, будто вор или каторжник, пробирался к ней в дом на субботу, обессиленный своими бдениями, смотрел на еду, как на что-то непонятное (зачем вообще еда?), на их близость так же смотрел, совсем уже святой сделался, так ей приходилось за двоих «несвятой» быть, чтоб его в чувство земное приводить. Когда удавалось, когда – нет. Дело такое. На грани возможностей человека.

Глава 4 Десять лет назад

Десять лет назад, когда их свадьба игралась, дело так было: девушка Эстрелла была послушная, сама бы ни за что себе жениха не попросила. Не попросил бы и Ицхак! Он с матерью и сестрой пришел к ним в Каир, когда замучались они там в Иерусалиме от мусульманских поборов, от нищеты, от погромов (дело с убитым ребенком, история с камеей – как Клонимус Праведный еврейскую общину спас, все тогда обсуждали) ... Отец Ицхака рано умер, сиротой его оставил. Почтенный раби Шломо Лурия, – жаль, ни разу не видала его Эстрелла. И вот, мать решила взять мальчика в Египет: смелый шаг! Добралась до Каира, пришла бедная вдова ко дворцу Мордехая Франсиса, думая про себя – получил ли брат ее письмо или, может, нет? Эстрелла тогда их первая увидела, из-за роскошной ограды и фонтана заметила, подбежала, успокоила собаку, что разрывалась от лая.

– Шалом! – услышала девочка и растерялась. Евреи? Откуда? Всех евреев она здесь знает.

– Тетя Камилла? – вдруг угадала она. Но не помнила, как звали мальчика, или не знала никогда. И сестричку его тоже.

...А потом они часто играли вместе, пока ему не подобрали подходящего, самого лучшего во всем Египте учителя, – раби Бецалея Ашкенази, автора «Системного подхода к Талмуду». И все, конец игре, веселым шалостям кузенов. А уж после его бар-мицвы – и вовсе к нему стало не подойти. Даже руки не подашь! Мужчина. Принц. Ну и ладно, больно надо.

Наблюдала за ним Эстрелла с болью в сердце: ведь не отдадут ее за него, даже попроси он! Молва такая шла, что будто прочат ее за Кастро, сына правителя всего египетского «куска» жирной Османской империи. Ну, нельзя же быть таким равнодушным. Неужели он не заметил, Ицхак, что она его полюбила?

Ей пришлось отцу все уши прожужжать: мол, ее вообще никто и никогда не будет сватать. Никудышняя она, так в девицах и просидит свой век. Тут приехала к ним Ла Сениора для совета – спросить о чем-то папу. Эта великодушная спасительница испанских *маранос* оставалась легендой для всех, кто знал об инквизиции. Она вызволяла еврейские семьи из-под гнета Испании, Португалии, вывозила их в Феррару, затем в Святую Землю, под контроль мусульман, которые относились к ним куда лучше. Донна Грасия Луна Мендес из банкирского дома Мендес: вот как ее звали. Ну а народ попросту называл Ла Сениора.

И вот, как только Ла Сениора появилась у них в доме, Эстрелла осмелела. И подумала: откроюсь ей!

И сказала, что просит ее намекнуть отцу, что вот был бы хороший *шидух*, то есть хорошая пара: она и Ицхак, сын папиной сестры из Иерусалаима.

Та сказала, и дело было сделано. А Эстрелла бросилась ей на шею при ее свояченице, Бренде, – хотела отблагодарить. Как посмотрела на нее Сениора! «Не делай этого никогда! У Бренды дурной глаз, она тебя сглазит. Сохраняй свою тайну, девочка».

И точно, как в воду глядела: только сама Дона Грасия не убереглась. Ее-то Бренда и сглазила. И сдала властям, раскрыла всю сеть испанских беженцев, которых та в Италию переправляла... Ну, это другая история.

Глава 5 Изгнанники

Множество испанских изгнанников поселилось тут, в Эрец Израэль, при благодушных (поначалу) арабах и турках. И семья Сарагоси, и раби Шломо Аль-Кабец, и Альшейх, и Кордовейро, и Толедано, и, конечно, главный раввин Цфата – раби Иосеф Каро, убежавший с родителями от инквизиции в 5-летнем возрасте.

Сколько он скитался, где только не был, и в Португалии, в Салониках, и в Адрианополисе, и в Никополе. Четырежды женат за свою долгую жизнь.

Раби Иосеф Каро

Нашел, говорят, сокровище – показали ему во сне, в чем состоит его добрая доля, купил на рынке черный грязный сосуд, оказавшийся золотым. и разбогател. Что ж, бывает и такое. А вот раби Шломо Аль-Кабец со свояком своим, Рамаком, другое сокровище откопали – утвердили и создали первую иешиву каббалистов на Востоке. Раби Яков Бейрав, опираясь на мнение РАМБАМА, решил восстановить институт специальный, чтобы назначать раввинскую ординацию, как было при Синедрионе, до римского захвата страны. Думали об Освобождении, ждали его, не терпелось построить Храм, восстановить все, как было. И лучше, чем было!

Синагога – малый Храм.

Если прежний Храм был разрушен – значит, новый будет лучше, и новый – будет вечным. Так было много передумано, переговорено об этом.

Под прекрасными серебристыми оливами, под сенью виноградников с тяжелыми гроздьями сиживали мудрецы-соратники, вынашивали планы грядущего Освобождения, которое добьются они сами – но не силой, не вооруженным бунтом против турков – ведь это не поможет! А добьются тем, что сформируют у Всевышнего большую любовь к нам и большое желание нас простить и восстановить для народа государственность, закон, а значит, и Храм.

И для этого ввели каббалисты понятие «Герушин» – «отстранение». Отстранялись от всего мирского, устрожали для себя религиозные предписания, не хотели расслабляться, не хотели погрязать в житейском. Были и у них поля, огороды, мельницы водяные, житницы, пастбища, дубильные ямы для шкур, рабочие цеха для окраски шерсти. Но – не забывали они, для чего живут. Такими были и два брата-бизнесмена – Галанти, Моше и Авраам, такими были и Сагисы, и Багильяр, и Машун, и бин Нун, и множество выдающихся жителей города. Ди Видаш, Ди Узида – тоже такими были. Всех не перечислишь. Кто-то совсем уходил в духовность, как Ди Видаш и Виталь, или был подчеркнуто беден, как Коэн и Альтерец. Кто-то работал синагогальным служкой и при этом писал гениальные книги, как Азкари.

Кто-то, как Гевизо, привлекал к себе даже сердца галилейских преступников, руки они целовали ему, когда он проходил по опасным тропам меж гор, идя на очередное обрезание, ибо был *моэлем*, он шел со своим ножом, а они – со своим, но падали ниц перед ним и просили, чтобы благословил их по доброте сердца.

Кто-то сочинял музыку, песни, субботние гимны, как Наджара (Израэль, а не братец его, чтоб вы, не дай Б-г, не перепутали) и Шломо Аль-Кабец, автор знаменитого «Леха доди». Хлебосольными были ученые Цфата, благо творили, и, если б не сделал на них «сглаз», «айн» Леви Ибн-Хавив из Иерусалима, видя их успешность, то расцвел бы в Цфате росток Мошиаха, Мес-

сии, и было бы добро для всего Израиля. Но на раби Якова Бейрава, успевшего дать *Смичу* пятерым, был наложен *Херем* – а иначе, по мнению Ибн-Хавива, слишком вырвался бы Цфат вперед, впереди Иерусалима поскакала бы слава града сего, как скакал Нафтали впереди своих братьев, сынов праотца Якова, быстрый, легконогий Нафтали (в чьем уделе и находится географически город Цфат). Не судьба! Вырвались вперед, прорвались было сквозь преграду! И не были поняты остальными людьми поколения. Пришлось «свернуть проект».

Глава 6 Исполнение пророчества

Пришла осенняя пора, холодно стало по домам, а раби Ицхак как раз затеял продажу шерсти – открыл лавку неподалеку от посудной и антикварной лавки раби Иосефа Каро – и успешно пошли дела.

Но не знал он, как быть ему с группой каббалистов, руководителем которой он стал, как обращаться с учениками Рамака: крупная рыба ушла на дно, затаилась, залегла, а мелкую рыбешку ловить он и сам не хотел.

Душа Ари (как впоследствии будет прозван раби Ицхак), согласно доктрине каббалы, являлась душой самого раби Шимона бар Иохая, и пришла она в мир ненадолго. 36 лет были прожиты, кто знает, много ли еще впереди, даже если свобода выбора существует всегда. Пророк Элиягу, учивший его в хижине на берегу Нила, сказал – найти раби Хаима Виталья в Цфате.

Элиягу-пророк (в нашей киноверсии артист Д. Альтшулер) повелел передать эти знания раби Хаиму Виталю.

И только его одного учить, только ему передавать сложные пласты новейшей науки (отличающейся от системы Кордоверо, Рамака, по многим параметрам).

Ибо только душа раби Хаима так заточена, что она способна воспринять, не исказив, и передать дальше, и к самоотречению приучена, так, чтоб без сожалений всю жизнь свою на это положить. Но необуздан, как дикий мустанг, был молодой и сильный, подобно талмудическому Абайе, раби Хаим Виталь по прозвищу Калабрис! Такого – непросто поймать и ввести в свою игру на вторых ролях. Он и сам – лидер.

Два с половиной года потратил р. Хаим на алхимические опыты...

За тем и ушел из Цфата в Дамаск, что у него там своя школа (сицилийская *Эскуэла*, а учащиеся – *эскольбан*, так и община их называется), он и по системе Пророчеств р. Авраама Абулафии тренируется, и по р. Цайяху, и по Тайтатцаку. Мысль его сильна. Высоко парит, взлетает и приземляется по всем правилам духовного искусства. Немного склонен к сомнению, а порой – впадает в тоску. Вылитый Абайе! Несчастлив с характером жены. Что же еще знать о нем? Он избран. Довольно и того. Теперь вопрос, как привлечь эту душу к правильной работе.

Посылал Ари духовных гонцов через посредство сна, при поднятии души разговаривал с раби Хаимом, приглашал его в Цфат учиться у него.

Но, проснувшись, лишь смеялся «дамасский принц», удивляясь, что этому Ашкенази от него занудилось. Нет, он уважал всех, и даже ашкеназов, и первым учителем его отца в Калабрии (еще давно, до переезда в Эрец Исраэль) также был некто р. Хаим Ашкенази. Но все же сложно было ему признать первенство пришельца над собой, коренным Цфатским человеком, на которого с детских лет сделали ставки три самых крупных фигуры тогдашнего законоведения и мистицизма, получившие ординацию от Бейрава: Каро, Альшейх и Рамак. И каждый из них прочил раби Хаима Витала себе в преемники, готовил его к судьбе великой. Так к чему ж размениваться?

Глава 7 Прощание с Дамаском

Между тем раби Хаим Виталь по прозвищу Калабрис все не шел и не шел в Цфат, а время бежало, погода портилась, дороги растекались глиной и щебнем, стремительно обрушивались ливни, громыхал молчаливый галилейский гром при зарницах, осыпались последние оливы, намокали коровы в рощах, клубились тучи, облачные стада со своим молочным выменем, полным тумана и росы, шли, обдираясь о вершины гор. Клочками плыли облака, и казалось, будто горные хребты Мерона отрывались от земли и вверх парили.

– Да что же это за наваждение такое, – сказал раби Хаим. Хотя был он к наваждениям, в общем-то, привычен, с детства подвержен мечтаниям и экстазам пророчества, но взял себя в руки, как всегда, так и в этот раз, и последовал зову души более высокому, чем тот, который говорил ему оставаться в Дамаске, и сказал свое последнее «Прости» рекам дамасским, снарядил в дорогу хороший свой нож, веревочку пару, хлеба испек (всегда ел только свое, ни у кого не пробовал пищу), узнал, какой караван идет через перевал, выждал погоды да и в путь пустился.

«На рош-ходеш Адар планировал оказаться в Цфате. Получилось даже чуть раньше. Обычно караваны запаздывают, погода не всегда благоприятна, бывают и обвалы в горах. Мы преодолели перевал удачно. Я даже восхититься успел базальтовыми глыбами и валунами, черные, серые, розовые – будто из пены – лавовые камни напомнили мне о вулкане. Сверкнуло и вулканическое озеро Кинерет – что твой алмаз в лазурном мареве. «И как это огонь с водой боролись здесь, на этом месте, – думал я, отстав от каравана, по дороге, – Огонь – от Гавриэля-ангела исходит. Водная стихия – Михаэлю подчинена. Боролись не на шутку оба.»

Стихами, песнями думал я, возвышенный настрой охватил меня. Противоречие и противоборство стихий – оно же и в сферах, Хесед, Милость, это Михаэль, как выше я сказал. А Гвура – то огонь, то Гавриэля сила. Воды стихия – ангел милосердный. Огонь – стихия ангела иного. И в их борьбе да победит сильнейший. Но в корне всех явлений, в самой сути – И Михаэл, и Гавриэл послушны только Б-гу, Господину и потому в своем служении – едины...»

Глава 8 Радбаз против Ари

Против Ари было возбуждено «дело» духовного плана: его бывшие учителя, Радбаз (кстати, автор классического комментария на Тору «Мецудат Давид», который проходят во всех школах) и раби Бецалель (автор «Шита Мекубецет») вознамерились отговорить его от взятого им на себя сана предводителя цфатских каббалистов и преемника Рамака. Странно – и однако факт: они, близко знавшие его, воспротивились, а люди Цфата, его не знавшие дотопе – покорились ему и сдались почти без боя, когда он несколько раз показал им то, как легко и правильно контактирует с душой Рамака и может задать ему любой вопрос. Например, однажды он сказал, что душа Рамака открылась ему и велела ученикам подойти к его вдове и попросить у нее такую-то рукопись из числа его неопубликованных материалов – и на странице такой-то найдется ответ им. Так они и поступили, и ответ сразу был найден.

Теперь же, когда раби Бецалель специально был послан из Египта, чтобы остановить работу Ари, произошло следующее.

Пославший его Радбаз (человек очень влиятельный не только в мире Торы, а и в сфере финансов) ждал, пока его приказ будет выполнен и скороспелый ученик – Ицхак, прозванный львом, «Ари», – перестанет вещать в Цфате свои скороспелые премудрости.

Однако раби Бецалель вернулся в Египет и даже не смог сразу заговорить, не смог доложить об обстановке, настолько он был потрясен. (Эту историю любил потом рассказывать Виленский Гаон, как очаровательную шутку Б-га, – историю, которая еще выигрывает, будучи рассказана одним великим человеком о другом великом человеке).

– Говори же, ты остановил его? – спросил Радбаз.

– Почему я должен был его останавливать?

– Да для чего ж ты послан был, если не для оного!

– Но позвольте, Вы САМИ там сидели, на его уроке, и кивали и соглашались и выглядели весьма удовлетворенными и довольными!

– Я? – изумился Радбаз.

– Да разве у Вас есть двойник?

Вздыхнул раби Давид бен Зимра и провозгласил:

– Поистине, не выходил я из города сего! А кто там был – не иначе посланец Свыше, принявший мой облик, чтобы тебя убедить в обратном.

– Да ведь Вы сидели там, дорогой мой, сидели там собственной персоной, и превосходным находили все, что реб Ицхак говорил, и получали истинное удовольствие, слушая его и внимая ему.

– Перестань, не морочь мне голову. Я пока в своем уме. Был ли это Элиягу *а-Нави*, принявший форму мою?

И, сочтя сие предположение весьма лестным и убедительным, оба сошлись на том, что мешать Ари они больше не станут.

(*Ашрей! Ашрей! Ашрей!* – заключал этот рассказ Виленский гаон, поясняя: этот счастлив, что за него вступился сам пророк Элиягу. Тот счастлив оттого, что увидел пророка Элиягу. А третий – оттого, что пророк Элиягу принял его облик!)

...В сценарий, кстати, эта информация не попала – здесь нет ничего кинематографического. Кино только показывает. А что тут можно показать? Нам нужен экшн, экшн! Экшн! – пока меня ругают, я киваю и послушно отбираю только то, что «работает». Но внутренне я не готова аннулировать этот эпизод. Я сниму его! Пророка Элиягу сыграет тот же дедушка, что и Радбаза.

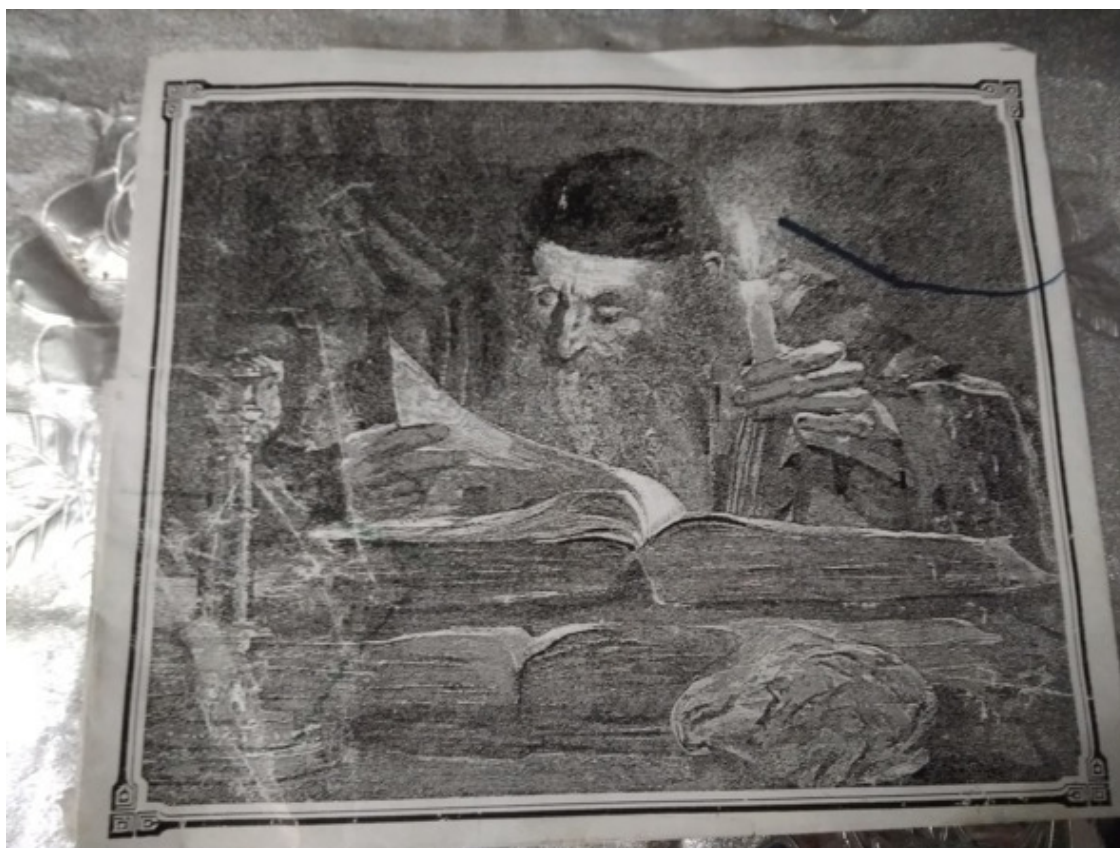
Глава 9 Прибытие

Удивилась Эстрелла: раби Ицхак пробыл в лавке целый день. Как нарочно, к ним заходил какой-то молодой человек, искал его – издалека, видно, так как был весьма разочарован, услышав, что тот не дома.

– Реджина, твой сын вернулся, – радостно сообщила соседка матери раби Хаима, – его видели в городе.

– Витале, Вито! – радостно всколыхнулась старушка, – я скорей побегу купить муки! Иосеф, оторвись от дел, Витале приехал!

Старый *сойфер* едва не пролил чернила, не поставил кляксу на листе пробного *клафа* (бумага из дубленой коровьей шкуры), резко встав из-за низкой парты, над которой склонялся всю жизнь.

Отец раби Хаима за столом

Сын уже входил, пригибаясь в низком проходе, всегда еще более прекрасный, здоровый, веселый, мужественный, чем помнился им раньше.

– О, сколько дней я не видел тебя, – проговорил отец, протягивая руки, обнимая, прижимая его, и тут же строго спросил: – что же, нашел ты себе там работу, в Дамаске? Или все еще – каббала?

– Да, нашел, – раби Хаим просто так сказал, чтоб не огорчать, – знаешь, я даю уроки сицилийцам в Эскульянской общине.

– Ну, это хорошо, лишь бы не – сам знаешь – лишь бы не бездельничать.

– Да, разумеется, – раби Хаим почтительно поцеловал руку отца, вечно в потеках чернил, а теперь и в возрастных пигментных пятнах, – темную руку калабрийца, знаменитого сойфера раби Йосефа, которая умела быть тяжелой. Он это хорошо знал.

– Куда же ты так скоро? – спросила Реджина. – Только сели за стол, уже уходишь.

– Я быстро, мама.

– Разбери нам, пожалуйста, во дворе *суку*, Витале, а то так мешает проходу, ладно?

– Я разберу, мам. (Почему сразу я? Брат с сестрой не могли этого сделать еще до дождей? – подумал он).

– А мое сердце как чувствовало! Вот только что сказала за тебя Псалом, зажгла свечу *рош-ходеша*.

«О, как трогательно это все. Но я, похоже, и спать останусь в доме гостевом, а не здесь.» – решил раби Хаим. Утомительна любовь стариков.

Надоедает быстро их требовательность. Невозможно молчать, предаваться своим мыслям, а он охотнее молчал, чем говорил.

– Знаешь что? Я сейчас разберу *суку*.

(Вот так-то лучше, а потом буду сам себе хозяин).

Он погромел железными кольями, раскидал доски, укрыл под навесом *схах* из бамбука.

Прощаться не зашел – ушел через задний двор, через соседские ворота семейства Гевизо. Зашел на базар: был славный рыночный день, и возможно, хорошая рыба там продавалась – да только не за рыбой он приехал. Эль-Греко, однако, окликнул его.

– Хаим, деньги нужны? Помог бы мне! А то я один тут сегодня.

Раби Хаим показал на пальцах – отстань.

– А что с Чико, напарником твоим? – из вежливости добавил раби Хаим, – здоров ли?

– Чико кто-то сглазил, он слег в постель, – понизил голос Эль-Греко, поправляя красную повязку на голове и оглянувшись по сторонам. – И я даже знаю, кто.

– Ессо! – сочувственно подал реплику раби Хаим. (Вот как!)

– Дело непростое.

– Говори.

– Есть тут тип один, про него всякое рассказывают. Ашкенази.

– Мало ли Ашкенази!

– Такого вряд ли еще где найдешь.

Раби Хаим чуть напрягся, голова включилась. «Не нужна ли тебе веревка хорошая? Продаю. И довольно приличный нож, дамасская сталь, только это-то вам не по карману даже вместе с Чико».

– Оставь себе свою веревку, что, у меня веревок нет? – раздражительно сказал Эль-Греко, – а вот нож мне нужен, очень нужен! Я бы и попроще взял, не такой распрекрасный, как этот! Потрошит все, что угодно, не только рыбу!

– Ну так возьми, – предложил раби Хаим, – отвесь мне мушта и лабрака – чтобы было с чем прийти к родителям невесты.

– Невесты!

– Ну, жены. Как с пустыми руками зайду?

– Ладно, Вито. Для тебя – что угодно. Да не нужен он тебе, что ли? Это же шикарный нож! Не рыбный вовсе!

– Не хочу у своих родителей денег просить! Вот и все, что тебе нужно знать. Давай мешок!

– Вот так обмен! – обрадовался Эль-Греко, – но погоди, ты про Чико не дослушал. Он немножко, знаешь, подрабатывал трэфными деликатесами, заморскими лакомствами, ну и видать того, сам был грешен, пробовал. И прошел, плащом своим коснувшись, со спины вплотную к Ашкенази из Египта. Просто, в переулке.

– Ашкенази из Египта, – повторил раби Хаим как во сне.

– Да, он самый! Коснувшись плащом, не более того! А тот к нему – глазами своими: извини, говорит, но ты коснулся моего плаща своим, и теперь – слушай, не поверишь – «и теперь, – говорит, – мне будет нужно окунуться в *микву*!!!»

– Ну, и?

– А вот так – при всех людях, что там стояли, при уважаемых, говорю тебе, людях, вот так он его распек, своим этим тихим, знаешь, голосом!

– Я понял тебя. Говори, что было дальше.

– А дальше – люди стали спрашивать у Чико – правда ли, что есть за тобой скрытый грех? Что, коснувшись тебя, порядочные люди должны очищаться сразу в *микве*? Ну, он и раскололся. Чико, наш Чико! – Эль-Греко даже присвистнул. – Стал послушный, как ягненок.

– Говори же! Что было потом?

– Это все! Ничего потом не было. Только слег он, никакой стал! В посте, говорит, буду душу теперь очищать, каяться.

– Тьфу ты пропасть, – восхищенно сказал раби Хаим.

– Да, братец ты мой, – вот такие дела у нас тут. Да это еще что! Слышал ли ты про жену Авраама!? Про того, что сосед-то повадился к его жене?

– Придержи язык, – остановил его раби Хаим, прищуриваясь, как бывало, когда он хотел уйти от темы разговора.

– Да ты послушай! Ашкенази – ведун! С ним шутки плохи. Хотя... Ежели слушать не хочешь – не надо. Только вывод один – в городе что-то странное творится. Люди на улицу не идут прежде, чем шляпу низко на лоб сдвинут, а то... если вдруг он им по лбу прочтет их дела – чтоб не стал вдруг отчитывать при народе, понимаешь? Он все видит! – шепотом и сделав страшные глаза, заключил Эль-Греко.

– А что ребята из Цалахии? – недоверчиво предположил раби Хаим, – и они, думаешь, испугались? Да они черта не боятся.

– В другой раз поговорим! Знаешь, Вито, хорошо, что ты вернулся. И проведаль бы Чикито, не будь свиньей.

– Я уж как-нибудь все свои визиты постепенно нанесу, кому надо... Ты закинь пока что рыбу маме с папой, передай – мол, от меня? И к дому Ханы, родителей ее, доставь половину товара. Порешили?

– Будет сделано! – обрадовался, принимая ножик, который и ножиком-то не назовешь, а, скорее, знатным дамасским клинком, Эль-Греко, – славный подарок ты мне сделал! Так как, будешь слушать про жену Авраама и соседа и собаку, которая кое-кого загрызла, – или нет?

– Иди сам знаешь куда, братец, я не охотник до жареного.

Раби Хаим показал левой рукой – мол, проехали! – отменяя движением ладони то, что ему не нужно знать.

– Да ты нынче святой!

– Ну, у меня просто нет времени, прости. Да и у тебя теперь большое ответственное поручение – не подведи. Доставь к Хане прямо сейчас. Не оставляй на соседей, дождись хозяев, товар ценный.

– Ну уж я сам знаю, какой у меня товар, – гордо отозвался Эль-Греко, повязывая взвешенные мешки, – И знаешь что? Давай, давай свою веревку. Она у тебя без дела, а у меня – сразу в ход пойдет. Спасибо, Вито. Добро пожаловать в родной Цфат – *Ир а-Кодэш*! На черта тебе этот бесовский Дамаск...

Встреча

Раби Ицхак действительно сидел в глубине полуподвального помещения с круглым арочным потолком, по соседству с другими такими же лавками, как и объяснили раби Хаиму спешенные им горожане.

– Я пришел, – просто сказал он, входя, пригибаясь, чувствуя райский запах в этой темноватой, непонятной лавчонке, и подумал: что за чудный, расслабляющий аромат? Будто запах райского сада. И отсыревшей шерсти, кстати, тоже.

– Рад вас приветствовать, что желаете? – отозвался чернобородый Коммерсант.

Острый взгляд, требовательный, не мягкий, голос, сложенные руки за прилавком.

Раби Хаим понял, что допуска не будет. Не будет радостной встречи с давно ожидавшим его, любящим его, взыскивающим к нему по ночам, манившим его к себе в Цфат ученым Торы, не будет мгновенного нежного любовного узнавания близких душ. Он ошибся. Будет поединок двух холодных умов, и вопрос – кто кого одолеет.

– Я желал бы задать вам вопрос по книге «Зогар», ведь вы каббалист, не правда ли, – сделал свой ход раби Хаим.

– Да что вы, что вы, – хладнокровно отверг раби Ицхак, – я человек торговый, как вам, должно быть, известно, и в Египте этим промышлял, и теперь вот, в вашем городе дело открыл.

– Нет, мне не известно о Вас решительно ничего.

– Очень сожалею.

– Даже так. – опустил глаза раби Хаим. «Значит, зря ехал», – пронеслось в мыслях.

– Даже так, – подтвердил тот.

– Ну, простите, что помешал. Я пойду тогда?

– Да ведь есть у меня здесь прекрасные образчики, разве вам не нужно?

Раби Хаим не стал больше тратить слов. Повернулся к выходу, прошел пару шагов, запнулся на тюке с шерстью, едва не потерял равновесие.

– Постойте, – раздался голос из глубины лавки. – Подойдите, пожалуйста.

Напряжение повисло в воздухе. Раби Хаим повиновался. Он снова стоял перед торговцем.

Их глаза встретились. После паузы – отложив расчетные книги – тот вымолвил:

– Я готов Вам ответить.

Раби Хаим глубоко вздохнул.

... У него случилось дежа-вю, его отбросило сначала резко вперед, в будущее, он предугадал и заранее прожил все то, что его ожидало. Сначала в виде возвышенного пророчески ниспосланного, затем в форме уже пережитого, которое приходится переживать заново, а изменить ничего не можешь, можешь только отслеживать. Находясь внутри события. Только на сей раз все прозаичнее, реальнее.

– Так вот, – продолжал Ари в лавке во время их первой встречи, – Вы хотели обсудить со мной идею, которая появилась у Вас по пути сюда, помните, когда Вы проезжали Кунейтру?

– О да. – Раби Хаим отследил свои мысли и быстро пришел к искомому решению, – я понял теперь. – Это ведь и есть ответ на мой незаданный вопрос Вам.

Не с Синая ли этот человек? Откуда он знает, как извлечь из меня мои же мысли и как их применить к рассматриваемой нами задаче?

– Так вот, это понимание как раз неправильно, – добавил учитель, – а решить можно только с другого угла зрения, и вот, посмотрите, как.

Он повернул задачку так, что она высветилась с совершенно другого аспекта, и внезапно все стало ясно, настолько, что сомнениям уже не могло быть места изначально.

– Вот так это будет уже более верно. Хотя есть и еще уровни, на которых, опять же, подход более совершенный, если Вам угодно выслушать. – И он поднял разум раби Хаима на такую высоту, что тот почувствовал, что теряет сознание от счастья.

– Третий Ваш вопрос был... – впрочем! Довольно. *И добавил на иврите: Ад кан тхум шабат...* (Граница субботы, за которую нельзя выходить)

– раби Ицхак снова спрятал свое истинное лицо за личиной коммерсанта. – Вы не хотели приходить, кто ж виноват, товар был – да весь вышел.

Чувствуя себя лисицей перед львом, раби Хаим попятился к выходу. Злополучный тюк снова лежал у него на дороге. Он миновал его и бежал с глаз долой, бегством тем более унижительным, что возразить ему было нечего.

Он пошел туда, куда ноги понесли: в дом Чико, чтобы заняться тем же самым, что и бывший товарищ – поститься и валяться в прахе на полу, посыпая голову пеплом и одевшись в мешковину.

Глава 10 Раскаяние

Прошло три дня. «Как я мог? Как я мог?» – с глубоким отчаянием спрашивал себя раби Хаим. Мне нет жизни без этого учения, а ключи от него – в руках раби Ицхака Ашкенази, Б-жественного учителя, подобного Моисею!

– Что я сделал? – вопрошал раби Хаим самого себя.

– Да что ты такого сделал? – изумился Чико, видя такой всплеск горя. – Вот я понимаю – совершил грех, теперь расплачиваюсь. А ты-то что?

– Я упустил шанс, я потерял как раз то, что мне было нужно более всего на свете, – прошептал раби Хаим.

– Да разве не примут тебя учитель твой и товарищи? – удивился Чико. – Иди, помолись, попроси у него прощения, раз тебе нет другого выхода, упали к его ногам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.